«В 13 лет нам выдали медали, а лишь в 16 – паспорта»

Сегодня мы публикуем еще одну «блокадную» историю. Ее герой – Борис Васильевич Васильев, заслуженный работник высшей школы, 50 лет отдавший ЛЭТИ. Когда началась война, тогда еще подростку Борису было 12 лет. И он, как и все остальные школьники, должен был эвакуироваться из города. Но он и еще несколько его друзей-однокашников захотели остаться в Ленинграде и сбежали с грузовика, увозящего горожан по ладожскому льду.

– Борис Васильевич, почему вы не уехали?

– Несмотря на юный возраст, мне тоже хотелось с оружием в руках защищать свою Родину. Мой отец воевал на Невском пятачке, он был сержантом роты связи, старший брат прошел всю войну артиллеристом. Нас с друзьями все время тянуло на фронт, посмотреть, что и как, своими руками потрогать осколки. Мы частенько пробирались через военные кордоны и навещали моего отца. Солдаты встречали нас очень радушно, кормили, давали с собой продуктов. Но командиры неизбежно гнали ребят из окопов, приговаривая: «Вам нельзя остаться. Мало ли что может случиться. Вы же дети».

– Вам так и не удалось повоевать?

– Мы с друзьями мечтали попасть на флот и ходили по судам, стоявшим на рейде, просились в команду. Но везде отказывали, и лишь один капитан, у которого в Ленинграде погибла вся семья, согласился нас приютить. В задачу корабля входило отражение вражеских воздушных налетов. Целых три месяца мы помогали матросам, изучали военные специальности. На всю жизнь запомнились строгие морские законы. Помню, один мой друг стащил у матроса несколько кусков сахара. За это его привязали к веревке и опустили на несколько секунд в воду, благо это произошло летом. В следующий раз пообещали выкинуть за борт и вообще не поднимать.

К сожалению, комиссия Балтийского флота запретила капитану выйти с нами в море, и мы снова оказались на берегу.

– И что же дальше?

– Для матросов мы были малы, в школу юнг в Кронштадте брали только с 16 лет. На флоте нам места не было. Но зато военные, видя наше стремление хоть как-то помочь общему делу, определили нас работать на засекреченном военном заводе. У него вместо названия был один номер, как сейчас помню, «327». Все оставшееся до окончания войны время я провел там. На предприятии работали одни женщины и мы, дети. Вскоре я стал бригадиром и командовал двенадцатью такими же, как и я, подростками. Мы работали на заводе и там же жили. Домой выпускали один или два раза в месяц. Это была форменная казарма, работали по 12 часов в сутки. Но мы не жаловались. На заводе нас худо-бедно, но кормили, мы были под присмотром. Иногда приезжали партийные лидеры, мне очень запомнились их слова, что мы работаем в городе-фронте за своих отцов и матерей, и что Родина никогда не забудет наш подвиг.

– Не тяжело было так много работать?

– Если бы мы не работали, то, наверное, погибли бы. Хуже всего было сидеть день за днем в пустой, холодной квартире и ничего не делать. Я так не мог. В армии и на флоте послужить не удалось, зато помог на военном заводе.

– Вы помните момент снятия блокады, что вы тогда чувствовали?

– Это сразу же отразилось на нашей работе, смену сократили до 8 часов, стали отпускать домой на каждые выходные. Прибавилось энтузиазма, сил.

– Как сложилась ваша жизнь уже в мирное время?

– Сразу после войны хотел пойти в авиацию, даже закончил Ленинградский аэроклуб. Но в военное училище меня не взяли из-за ранений, полученных во время блокады. Это было очень большое разочарование. Меня спас один знакомый тренер, он предложил попробовать себя в автоспорте. Я увлекся и позже стал мастером спорта по авторалли. Ну а дальнейшая моя судьба связана с Электротехническим институтом, здесь я учился и здесь работаю вот уже сколько лет.

Беседовала Дарья ГЛУЩЕНКО

60 лет назад наши деды и отцы, сражались на фронте под Ленинградом, выживали в осажденном городе. В дни тяжелых испытаний, выпавших на долю ленинградцев, лэтишники вписали свою страницу в историю героической обороны города. Уже в первые военные месяцы из каждых десяти студентов-комсомольцев девять ушли на фронт. Создавались отряды, ездившие на торфозаготовки, строившие противотанковые рвы и долговременные огневые точки. С 3 по 8 июля 1941 года более 300 сотрудников вуза вступили в ЛАНО – Ленинградскую армию народного ополчения.

Когда кольцо блокады замкнулось, студенты ЛЭТИ записывались в отряды противотанковой, противовоздушной обороны, создавали санитарные группы для госпиталей. Организовывались кружки радистов, телеграфистов, телефонистов, жизненно необходимые для обороны города, так как специалистов катастрофически не хватало. В феврале 42-го года институт выпустил 30 инженеров-электриков, что было настоящим подвигом в условиях войны.

После эвакуации института в Ташкент из оставшихся в городе преподавателей было сформировано специальное бюро научно-оборонных работ: все для фронта, все для победы! Воспоминания этих людей о пережитом передают дух времени, помогают понять, как сумели эти люди выстоять, выжить, победить.

Борис Михайлович Кудашев:

«Тяжело вспоминать блокаду…»

900 дней продолжалась вражеская осада Ленинграда. Студенты и преподаватели Электротехнического института старались найти себя в новых условиях блокадного города: здесь они продолжали жить и работать.

Штаб МПВО нес заботы по охране института: круглосуточные дежурства, принятие необходимых мер защиты при бомбежках и артобстрелах. Сам штаб находился в подвале здания второго корпуса. Наиболее активное участие по охране корпусов принимали жители профессорского дома, находившегося на территории института.

Дежурили в основном женщины. Екатерина Егорова и Вера Молчанова даже ввели свою премиальную систему за гашение зажигательных бомб. За каждую «зажигалку» (в качестве доказательства нужно было предъявить стабилизатор от снаряда) выдавали один леденец-монпансье – такие малюсенькие конфетки. Наиболее опасное место было на территории хозяйственного двора, где лежали штабеля дров. Благодаря общим усилиям не случилось ни одного пожара. А ведь гасить огонь было нечем: водопровод замерз ранней осенью.

Комитет комсомола разместился в аудитории 37, где была небольшая печка-«времянка». К счастью, кое-какие дровишки были, и никто из наших не посмел тронуть ни оконных переплетов, ни подоконников, что имело место в общежитии на Кировском проспекте. В новогоднюю ночь разведенный в одной из комнат общежития костер перешел в огромный пожар, уничтоживший весь дом. Так вот эту печку часто не топили, так как под длинным лабораторным столом складывали трупы умерших в общежитии студентов, пытаясь получить за них хлебные талоны.

Уже в октябре по соседству с вузом, на территории хозяйственного двора Ботанического института, организовали морг. Часто ослабевшие люди не довозили трупы до морга и оставляли их прямо на улице Профессора Попова (бывшей тогда Песочной) и на Аптекарской набережной...

И все же, преодолевая трудности блокадной жизни, сотрудники и студенты института продолжали работать и учиться.

На базе учебных мастерских, где сохранился станочный парк, было организовано изготовление корпусов мин: шел военный заказ. Мастерские просуществовали до начала января, когда в живых остался только один рабочий – учебный мастер Александр Добряков.

На кафедре Б.П. Козырева велись работы (также по заказу военных) «по увеличению интенсивности прожекторов». В ней принимали участие студенты-дипломанты, окончившие институт, правда, без защиты дипломных проектов. Уже в начале февраля самолетами они были эвакуированы на Большую землю. Выполнялись военные заказы и на кафедре диэлектриков и полупроводников – под руководством старшего преподавателя В.В. Пасынкова.

Поскольку в ЛЭТИ два раза в месяц выдавались хлебные карточки, институт имел связь с оставшимися в городе студентами. Многим из них – ослабевшим от голода – необходима была срочная помощь. Комитет комсомола в конце ноября организовал большую группу девушек во главе с Верочкой Добрянской, студенткой 4-го курса, для учебы на краткосрочных курсах медсестер, после которых они были распределены по госпиталям. Это очень помогло многим из них выжить.

В январе в здании института открылся стационар на 12 коек, где могли поддержать ослабевших от голода преподавателей. Заведовал стационаром Владимир Пасынков. Там же в столовой можно было получить горячий суп – это была чуть мутноватая жидкость с одним плавающим зернышком перловки. Но и такая еда помогала людям продержаться в самое тяжелое время осени-зимы 42/43 года.

В зале высоковольтной лаборатории стоял осциллографический шкаф, там во время блокады жил и умер от истощения в декабре 1941 года преподаватель Богданович. В зале тогда стояли многотонные масляные трансформаторные баки. Об использовании этого «золотого богатства» вспомнили только в 1944 году: а ведь сколько жизней могло быть спасено...

Самое главное, что институт жил и работал на протяжении всех военных лет. Даже в период вероятного вступления фашистов в город, когда готовились к уличным боям, в здании института строили амбразуры с пулеметными гнездами. Кирпичами были заложены все окна угловой части 1-го корпуса с прорезями для ведения пулеметного огня. Это капитальное сооружение было разобрано лишь в июле 1944 года.

Дань памяти

60-летие снятия блокады – событие, которое не могло не затронуть сотрудников и студентов нашего университета. Факультет военного обучения ГЭТУ организовал для студентов ряд экскурсий, посвященных этой памятной дате.

ФВО традиционно выделяет несколько недель для патриотической работы со студентами. В такие дни ребята под руководством своего преподавателя посещают различные музеи нашего города. Тематика экскурсий разнообразна – она связана и с революционным временем, и с послереволюционным строительством, и с военными событиями. В этом же году в связи с юбилейной датой снятия блокады акцент делался больше на Великой Отечественной войне и защите Ленинграда. Студенты побывали на крейсере «Аврора», в Военно-Морском музее с экскурсией на тему «Моряки ВМФ на защите Ленинграда в годы войны», а также посетили Музей артиллерии и войск связи.

Экскурсии проводились во время ноябрьских праздников и в последнюю неделю декабря. ФВО также планирует провести ряд экскурсий по военно-патриотической тематике в канун праздника Защитников Отечества. По словам преподавателей военной кафедры, студенты положительно относятся к таким мероприятиям и с удовольствием их посещают.

М.К.

Пока мы живы…

Юрий Воронов

Стихи Юрия Воронова посвящены героизму и мужеству ленинградцев в годы войны. Воронов подростком пережил в осажденном городе все 900 блокадных дней. Он создал из простейших, казалось бы, поэтических нитей книгу о людях, его современниках, гражданах города, в котором никогда не бывал никакой враг. Сердечную песню, которую нельзя читать без волнения и восторга перед ленинградцами, обыкновенными людьми, которые оказались такими необыкновенными, когда этого потребовало Время!

27 января 1944 года

За залпом залп.
Гремит салют.
Ракеты в воздухе горячем
Цветами пестрыми цветут.
А ленинградцы тихо плачут

Ни успокаивать пока,
Ни утешать людей не надо.
Их радость слишком велика –
Гремит салют над Ленинградом!

Их радость велика,
Но боль
Заговорила и прорвалась:
На праздничный салют
С тобой
Пол-Ленинграда не поднялось.

Рыдают люди, и поют,
И лиц заплаканных не прячут.
Сегодня в городе –
Салют!
Сегодня ленинградцы
Плачут…

***

Блокады нет…
Уже давно напрасно
Напоминает надписью стена
О том,
Что «наиболее опасна
При артобстреле эта сторона».

Обстрел
Покоя больше не нарушит,
Сирены
По ночам не голосят…
Блокады нет.
Но след блокадный
В душах –
Как тот
Неразорвавшийся снаряд.

Он может никогда не разорваться.
О нем на время можно позабыть.
Но он в тебе.
И нет для ленинградцев
Саперов,
Чтоб снаряд тот
Разрядить.